

РОБЕРТ
МАККАММОН

РОБЕРТ

МАККАММОН

П Я Т Е Р К А

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
М15

Серия «Маккаммон — лучшее!»

Robert McCammon

THE FIVE

Перевод с английского *M. Левина*

Компьютерный дизайн *B. Половцева*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Маккаммон, Роберт.
М15 Пятерка : [роман] / Роберт Маккаммон ; [пер. с англ.
М. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
640 с.— (Маккаммон — лучшее!).

ISBN 978-5-17-092582-7

Рок-группа «The Five» на грани распада — похоже, странствия по маленьким городкам и выступления в захолустных барах не всем по душе, ведь проходят годы, а настоящей славы, какая была у «Роллингов» или «Битлов», не видно.

И вдруг, как гром среди ясного неба, на молодых музыкантов обрушивается смертельное внимание убийцы, отчего-то невзлюбившего песни «Пятерки». Смерть одного из рокеров резко подогревает интерес к малоизвестной группе: продажи дисков исчисляются четырехзначными цифрами, все телевизионные каналы транслируют их историю. Вот она, долгожданная слава!

Только стоит ли она того, чтобы за нее умереть?

Ведь убийца не собирается останавливаться, более того, кажется, что за его неожиданными атаками стоит сам Дьявол...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Robert McCammon, 2011

© Перевод. М. Левин, 2014

ISBN 978-5-17-092582-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Ведь жизнь — симфония, и радость в ней горька.
Концы с концами ты пытаешься свести,
Как раб деньгам до самой смерти служишь ты.
Я проведу тебя единственным путем,
Который знаю сам, и он ведет туда,
Где вены сходятся.

«*Bittersweet Symphony*»,
grunna «The Verve»

Часть первая
ТАК УМИРАЮТ ГРУППЫ

Глава первая

Кочевник решил, что официантку придется убить.

* * *

Как именно, он пока не знал. Но убить придется, и быстро, потому что еще минута — и он взорвется, как тот хмырь из «Нечто», у которого инопланетная кровь булькала и визжала от удара провода под током. Шея вырастет до шести футов, из рук высокочат шипы, и начнется разгром.

Официантка попалась жизнерадостная и говорливая. Кочевник таких ненавидел. Он не хороший человек, он не плохой человек — он музыкант.

А до полудня он вообще не человек, а сейчас только десять утра, и он сидит в кабинке ресторана «Денниз» рядом с федеральной трассой I-35 возле Раунд-Рока, миль на двадцать севернее Остина. И все тут для него слишком ярко. Все желтое и зеленое, и солнце палит сквозь жалюзи окон, выходящих на восток. Защитные очки помогают, но глаза под ними уже устали. И опять эта гадская официантка, третий раз уже за несколько минут пикирует. Старая хиппи, вид как с похмелья, возраст — где-то под пятьдесят. Точно была в свое время чьей-то группи. Слишком тощая и слишком старая для своих медных ко-

сичек, как, блин, у Пеппи Длинныйчулок. Несет кофейник, сия золотарниково-желтой униформой, улыбаясь лошадиными зубами богини завтрака. А на табличке написано: «Привет, я Лори».

— Бог ты мой! — сказал Кочевник, ни к кому особо не обращаясь.

— Дольем? — спросила Лори, взявшись за кофейник.

Последовало согласное хмыканье.

— Спасибо, — сказал Майк, когда чашку ему долили до краев.

Лори ответила: «Ноль проблем!» — и Кочевник прикинул возможности банки кетчупа как орудия убийства, потому что официантка только что наступила на мозоль одному из его любимейших тараканов. Откуда пошло это проклятое «Ноль проблем», он знать не знал, но хорошо бы хоть на пару минут оказаться в запертой комнате с тем гадом, который сказал это первым. Официант, понимаешь, или официантка тебе говорит: «Да ноль проблем, едрена корень, что ты меня просишь сделать то, за что мне, блин, платят, и это в мои обязанности, мать их, входит, и если я этого не сделаю, мне дадут сапогом под зад, а денег ни хрена не дадут. Да ноль проблем!»

Лори окинула всех долгим взглядом: Кочевника, Ариэль и Терри в первой кабинке, Майка и Берк во второй, потом криво улыбнулась и выдала знакомый вопрос:

— А вы *группа*, да?

Кочевник, с детства носивший имя Джон Чарльз, не держал завтрак в списке самых главных ежедневных потребностей. Но из остальных некоторые завтракать любили, особенно Майк и Терри, и они захотели тут остановиться по дороге в Уэйко. Обычно они заезжали в барбекюшнику под названием «Смиттиз» рядом с Остином, где одноглазый повар, отставной морпех, засовывал в блендер яйца и говядину с адским самодельным соусом и

называл это «Техасский торнадо», но «Смиттиз» закрылся в начале лета, так что большинством голосов выбрали «Денниз». Они никогда здесь не были и Лори видели впервые, но она, конечно, поняла. Наверное, потому, что если есть тысяча триста пятьдесят два гитариста в Нэшвилле, то должны быть и тысяча четыреста шестьдесят три группы в Остине и в окрестностях, и увидеть в «Деннизе» музыкантов — событие невеликое. А может, она поняла по браслетам зеленых лиан и нотам — первые такты «О, Благодать!», — вытатуированным на запястьях у Ариэль Коллиер, или по бороденке и бритому черепу Терри Спйтценхема, или по густо татуированным рукам Майка Дэвиса, по серебряному кольцу в носу Берк Бонневи и всему ее виду, предупреждающему, что лучше ее не цеплять, или по виду самого Кочевника: волосы до плеч, очки, отгораживающие от солнца и от всего мира, мрачная повадка.

Все это вместе сложить — и либо группа, либо передвижной цирк уродов. (Есть расхожее мнение, что особой разницы нет.)

— Да, — ответила Ариэль, поощрив официантку прямым взглядом и улыбкой. Кочевник знал, что она улыбнется: Ариэль, девочка простая и добрая, не может просто отвернуться от человека.

— А зовут вас как? В смысле название группы какое?

— «The Five»*, — сказала Ариэль.

Почти незаметная пауза. Лори наморщила лоб, наклонила голову, будто чего-то недослышала.

— Чего пятерка?

— Пятерка тузов, — буркнул Майк в чашку.

— Тузиков, — поправила его Берк.

Но Лори не сводила глаза с Ариэль, будто знала, что здесь это единственный человек, который не пошлет ее подальше.

* Пятерка (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

— Просто «Пятерка», — ответила Ариэль. — Выбрали так, чтобы легче запомнить было.

— А, поняла. Типа «Знаменитая Пятерка»?

— «Знаменитая Четверка», — заговорил Терри. Солнце блеснуло на металле оправы очков — очень уместно по-ленноновски. — Это «Битлз».

— Верно, верно, — кивнула Лори и снова оглядела собравшуюся «Пятерку» во всей ее красе, готовую седлать коней на рассвете и мчаться к неведомой славе. — Только почему это вас *шесть*?

Она показала кофейником на стул рядом с Берк, где полторы минуты назад сидел номер шестой.

— Он наш менеджер, — ответила Ариэль.

— Раб-водитель, — сказал Майк. — Держатель ключей и денежных мешков.

— *Босс* ваш, да? — спросила Лори. — Наверное, у каждого должен быть. — Она поймала взгляд посетителя, который жестом подзывал ее долить кофе. — Прошу прощения.

И двинулась прочь.

Терри вернулся к блинчикам. Берк жевала тост с маслом, запивая водой. Майк ел свою яичницу, Ариэль пивала яблочный сок, а Кочевник чуть-чуть раздвинул жалюзи, выглядывая на парковку, залитую жарким солнцем.

Там стоял Гений-Малыш, разговаривал по телефону. Джордж Эмерсон, организатор переездов, звукооператор, гаситель конфликтов, устранитель кризисов, посредник в спорах и универсальный пластырь на все прорехи. Он стоял возле фургона группы, серого, как военный корабль, «форд-эконолайна» 1995 года, трехдверного, с прицепленным сзади трейлером. Джордж, не прерывая энергичного разговора, закурил, и Кочевник смотрел, как он затягивается, разговаривая. Ростом Джордж был пяти фу-

тов шести дюймов, волосы имел курчавые, светло-каштановые (честно сказать, слегка поредевшие спереди), глаза скрыты за роговыми темными очками, одет в свою обычную светло-голубую рубашку с короткими рукавами и хлопчатобумажные штаны. И одному Богу известно, зачем Джордж носит коричневые лакированные туфли с блестящими монетами — может быть, для контраста. Он продолжал говорить, расхаживая взад-вперед и оставляя за собой дымный след. Не только Гений-Малыш, но еще и малыш-локомотив.

«Я думаю, что можно бы... Я думаю, что... Я думаю...»

— Здесь сегодня играете?

Вернулась Лори — улыбка до ушей, косички прыгают. Вопрос был обращен к Ариэль, и та ответила:

— Мы вчера играли в пабе «Саксон». Сегодня на «Коммон Граундс» в Уэйко.

— А все вы местные, значит?

— Ага, живем здесь уже... сколько, Терри?

— Много лет, — ответил Терри.

— Наше турне только начинается, — сказала Ариэль, предупреждая следующий вопрос Лори. — Это было первое представление.

— Я буду. Ты на чем играешь?

— На гитаре. И еще пою.

— Это я могла бы и догадаться, — сказала Лори. — Голос у тебя приятный.

Кочевник отпустил жалюзи и стал пить горький черный кофе, но думал о Джордже, о его телефонном разговоре, о дымовых сигналах в воздухе.

— Дочка моя на гитаре играет, — продолжала официантка. — Только шестнадцать исполнилось. И еще поет. Посоветуете ей чего?

— Всегда оставаться шестнадцатилетней, — бросила Берк, не поднимая головы.

— Переехать на такой остров, — предложил Майк низким хриплым голосом, — где агентов и промоутеров отстреливают на месте.

Лори кивнула, будто нашла в этих словах здравый смысл.

— Еще одно хотела бы спросить, если можно. И больше приставать не буду. — Она переложила кофейник в левую руку, правую сжала в кулак, стукнула себя в грудь напротив сердца, потом показала знак мира. — Вот это что значит?

Кочевник рассматривал ее через темные очки. Лет на пять-шесть моложе, чем ему сперва показалось. Суровое солнце Техаса состарило ее кожу. И она еще туповата, наивное. Довольна жизнью и туповата. Чтобы быть довольным жизнью, надо быть туповатым. Или таким забывчивым, чтобы думать, будто ты счастлив. Не в силах сдержаться, он сказал:

— Фигня это.

— Не поняла? — переспросила Лори.

— Это значит, — объяснила Ариэль как ни в чем не бывало, — солидарность с публикой. Мы вас любим, и мир вам.

— А я сказал: фигня. — Кочевник делал вид, что не услышал Ариэль, а она делала вид, что не слышит его. Он допил кофе одним глотком. — Я все.

Он вышел из кабинки, положил на стол доллар и шагнул из ресторана на жаркое солнце. Сейчас, в середине июля 2008 года, уже много дней подряд стояла немилосердная жара. Землю спалила засуха. В воздухе висела дымка и едкий запах степного пожара — может быть, из соседнего графства. Но где же Джордж?

Возле «Жестянки» — как называл машину Майк — Гения-Малыша не было. Кочевник увидел улетающий клуб дыма и направился к краю парковки, где на низком

кирпичном заборе сидел Джордж, все еще занятый телефонным разговором. Точнее, Джордж слушал, часто затягиваясь сигаретой, а по длинному прямому коридору шоссе I-35 пролетали автомобили.

Кочевник тихо подошел и встал сзади. Джордж, наверное, почуял присутствие черной ауры, потому что вдруг повернул голову, посмотрел прямо на Кочевника и сказал в телефон:

— Слушайте, мне пора сейчас, я перезвоню, о'кей? — Телефонный собеседник вроде бы не хотел оставлять тему, и Джордж добавил: — Я вам дам знать завтра. Да. Утром, до десяти. Да. Ну, о'кей.

Он убрал телефон в кармашек на поясе, затянулся сигаретой, как астматик — кислородом, и выпустил дым через нос.

Кочевник ничего не сказал.

Наконец Джордж спросил:

— Готовы они уже?

— Нет.

Джордж все смотрел на проезжающие машины. Кочевник сел на забор чуть поодаль, не ожидая приглашения, потому что у нас свободная, мать ее, страна.

Оба они в своем мундире, подумал Кочевник. У Джорджа — мундир человека при власти, человека, который разговаривает с бухгалтерами, если они есть. Человека, который ведет переговоры с банкиром о ссуде на новую аппаратуру, если есть такой банкир, и ссуда, и новая аппаратура, которую надо приобрести. Хотя у Джорджа в каждой мочке по три серебряных колечка, все равно вид у него консервативный, он представляет голос разума, узды на этих психов, которые называют себя «The Five». А мундир Кочевника — армейской зелени футболка, сильно поношенные черные джинсы, черные высокие кроссовки и темные очки, отсекающие жар света и заслоня-